

Если бы перед ним был мужчина, Хуа Жолянь могла бы поспорить: никто не устоял бы перед таким соблазном, как у Тао Яояо. К сожалению, Хуа Жолянь сама была женщиной. Слегка изогнув губы, она сидела на краю кровати и с интересом наблюдала: насколько же хороши чары этой девицы?

Её взгляд немного потемнел. Старший брат, а ведь она и впрямь необычайно хороша...

Тао Яояо уселась Хуа Жолянь на колени, и её тонкие, изящные пальчики принялись шаг за шагом исследовать тело гостьи, поднимаясь от бедра всё выше, стремясь коснуться её прекрасного лица.

Складной веер преградил путь руке Тао Яояо.

— С такой врожденной грацией и красотой прозябать в пыли борделя — истинное расточительство, — произнесла Хуа Жолянь. — Даже если бы ты попала во дворец, быть там наложницей — значило бы принизить твои достоинства.

— Хи-хи-хи, — тихо рассмеялась Тао Яояо. — А разве принцесса не такая же? Ваша природная стать, ваш облик, подобный картине или стихотворению... Не подобает вам прозябать в стенах дворца, куда достойнее было бы оказаться здесь, в увеселительном заведении.

Услышав эти слова, Тао Яояо окончательно утвердилась в своих догадках. С первого же взгляда она поняла, что эта женщина — не чета обычным людям. Она даже более величественна, чем Гун Юньшу, что сидела по соседству.

Тао Яояо переключила всё свое внимание с Гун Юньшу на неё. Она пустила в ход всё своё очарование, и та, как и ожидалось, попалась на крючок.

Что ж, попалась — и хорошо.

Тао Яояо заметила на поясе Хуа Жолянь небрежно спрятанную бирку — знак принадлежности к императорскому роду. Она верила в своё мастерство соблазнения, и раз уж Хуа Жолянь до сих пор оставалась невозмутимой, а от неё веяло едва уловимым ароматом, значит, перед ней точно женщина.

Среди членов императорской семьи такого возраста была лишь одна — старшая принцесса.

Сердце её дрогнуло, и она решила действовать хитростью.

— Если принцесса хочет поиграть, я, конечно же, составлю компанию.

С этими словами она потянула Хуа Жолянь за край одежды, увлекая за собой на кровать. Хуа Жолянь на мгновение ощутила головокружение, а в следующее мгновение уже властно прижала Тао Яояо к постели.

— Принцесса, вы делаете мне больно...

Аромат Тао Яояо окутал Хуа Жолянью, проникая в самое её естество.

Хуа Жолянь в смятении вскочила и принялась поправлять одежду.

— Тао Яояо, ты умная женщина, раз сумела догадаться, что у меня на уме, но... сейчас ты ходишь по краю пропасти!

— Принцесса, неужели вас не удовлетворили мои таланты?

Тао Яояо сделала жалобный, невинный вид, в точности копируя Гун Юньшу. Взгляд Хуа Жолянью на миг дрогнул. Она ведь сама хотела проверить, насколько эта девица способна обольщать. Что ж, результат её вполне устроил.

— Пойдем со мной. Я дам тебе свободу, деньги, власть... всё, чего ты только пожелаешь.

— Ха-ха-ха! И эта хрупкая женщина, не способная даже курицу связать, хочет меня увести?

В павильоне Пьяного бессмертного полно крепких охранников. Даже если ты принцесса, тебе придется оставить здесь деньги. Хуа Жолянь сразу было видно, что она — сбежавшая из дворца особа, и если она станет здесь должницей, никто не поможет ей добиться справедливости.

Насмешка в её голосе была беспощадной.

Хуа Жолянь пристально посмотрела на Тао Яояо. Знает, что перед ней принцесса, и всё равно не боится смерти? Занятно. Впрочем, у Хуа Жолянью не было ни малейшего желания слушать чужие истории.

Этот мир несправедлив от рождения.

Одни появляются на свет в шелках и парче, а другие — в грубой мешковине, и немало таких, кто даже не имеет одежды, чтобы прикрыться.

Хуа Жолянь родилась принцессой, и пусть в её жизни было полно интриг, она жила лучше миллионов других. Она не понимала народных бед, но читала, что вода может как нести лодку, так и опрокинуть её. Однако она — лишь женщина, ей не занять трон. Она просто хотела защитить себя.

Годы скитаний охладили её сердце.

Оно стало холодным, как лед.

Но лед...

Лед ведь может растаять.

Кто же тот человек, что способен это сделать?

— Если я чего-то хочу, я добьюсь этого, даже если придется пройти сквозь горы ножей и моря огня. Пойдешь со мной? Или нет?

Хуа Жолянь не любила тратить время попусту. Раз уж слова сказаны, пора уходить.

— Подождите. Я готова следовать за вами, Ваше Высочество, до самой смерти.

Хуа Жолянй остановилась и усмехнулась:

— Раз уж ты всё поняла, называй свои условия. Я люблю равноценный обмен интересами.

— Я лишь хочу... разделить с Вашим Высочеством постель.

В этот момент Тао Яояо, подобострастно склонившись на кровати, смотрела на Хуа Жолянй снизу вверх. В её глазах сияла наигранная бесконечная нежность, она прикусила губу, в уголках глаз блестели слезы. Этот жалкий вид мог обмануть любого мужчину в мире.

Короткое молчание.

Хуа Жолянй — женщина.

На этот раз рассмеялась уже она. Смех был коротким и сухим.

— Ты? — она приблизилась к Тао Яояо и кончиком веера приподняла её подбородок. В её персиковых глазах, внешне страстных, а на деле холодных, отражалось кокетливое лицо Тао Яояо.

Придвинувшись к самому её уху, Хуа Жолянй прошептала:

— Ты достойна?

С брезгливым видом она отбросила веер и достала шелковый платок, с силой вытирая пальцы. Она безэмоционально смотрела на Тао Яояо, которая всё еще умудрялась улыбаться.

— Хочешь свободы — иди за мной.

Голос её внезапно стал ледяным:

— Хочешь умереть — я могу помочь тебе отправиться в путь.

— Тогда оставим постельные утехи на потом, я пойду за вами прямо сейчас.

Тао Яояо босиком прыгнула с кровати. Хуа Жолянй отступила на несколько шагов:

— Найди нормальную одежду. Иначе не смей идти за мной.

— Слушаюсь, Ваше Высочество! — не боясь смерти, она добавила пару дерзких фраз: — Знаете, Ваше Высочество, при виде вас любому хочется прижать вас к постели, насладиться вами самым грубым образом, растоптать вашу гордость и заставить умолять о пощаде...

— Мерзавка! — Хуа Жолянй из последних сил влепила ей пощечину.

Хотя Хуа Жолянй была слаба здоровьем, удар вышел на славу. Вуаль Тао Яояо слетела на пол, открывая лицо невиданной красоты, способное погубить целые государства. На щеке отчетливо

проступили пять пальцев, добавив её облику некой мученической прелести. Тао Яояо рассмеялась еще веселее:

— Ваше Высочество, вы так сильно бьете... Я получила истинное удовольствие.

Тао Яояо была из тех, кто не боится тигра, будучи новорожденным теленком. Она — проститутка, привыкшая к распутству, и в её глазах по-прежнему плясали искры соблазна. Она была уверена: Хуа Жолянью не убьет её, потому что она представляет для неё ценность.

— Удовольствие? Ты еще и удовольствие получила? — Хуа Жолянью холодно усмехнулась. Она никогда не видела такой бесстыдной особы. Это лицо, способное погубить империю, раздражало её даже больше, чем физиономия Гун Юньшу.

Тао Яояо последовала за Хуа Жолянью прочь через безлюдные коридоры. По идее, это были самые охраняемые места в павильоне, но сегодня там не было ни души. Всех стражников уже убрали первоклассные тайные агенты.

— Поездка в Цинчэн была не напрасной, пора возвращаться в столицу, — улыbnулась Хуа Жолянью.

...

Несколько генералов, пришедших с Гун Юньшу, уже закончили свои дела и теперь искали своего маршала. Обнаружив его уснувшим прямо за столом, генерал Ли с досадой покачал головой. Он-то думал, что раз маршал согласился пойти в бордель, то наконец-то прозрел, а оказалось — всё тот же рохля. Тьфу! Да как его маршал может быть таким?! Хотя...

В армии, конечно, были походные девицы, но мужчин там было гораздо больше, и многие заводили тайные связи со своими боевыми товарищами. Со временем генерал Ли привык к этому. Были и те, кто «блюл чистоту», например, получив ранение в пах.

Когда Гун Юньшу был еще простым солдатом под его началом, он был храбр и искусен в бою. Однажды он получил ранение, истекал кровью, но категорически отказался пускать военного лекаря в палатку.

Ранение в таком месте могло сделать мужчину женственным. Глядя на то, как Гун Юньшу выглядит как слабый книжник, даже без намека на бороду, генерал Ли решил, что тот был ранен именно там. Неудивительно, что, даже получив повышение, он не пользовался привилегиями и не ходил к военным девицам.

Генерал Ли вздохнул, вспоминая, как Гун Юньшу вел себя с Лу Цзысинь — прямо как примерный муж. Видимо, желание-то есть, да «оборудование» подводит. А теперь вот жениться на принцессе... Генерал Ли твердо решил помочь своему маршалу найти лекарство от этого недуга.

Гун Юньшу проснулась от того, что несколько раз чихнула, и окончательно пришла в себя. Заметив генерала Ли и остальных, которые смотрели на неё с крайним сочувствием, она снова

невольно чихнула.

Этот взгляд... Она вспомнила, как в бытность простым солдатом, прямо на поле боя у неё начались «женские дни», и, к счастью, все решили, что она ранена. Генерал Ли тогда смотрел на неё точно так же.

Бог весть, что себе нафантазировала эта группа людей.

Понизив голос до хриплого мужского баса, она произнесла:

— Наигрались? Пора уходить.

Генерал Ли замялся:

— Маршал... — он продолжал смотреть с тем же сочувствием.

Прийти в такое место, где вокруг полно женщин, а ты можешь только смотреть, но не трогать... Да еще и скрывать от всех свою неспособность — должно быть, маршалу пришлось нелегко.

Почувствовав озноб, Гун Юньшу поспешно сказала:

— Брат Ли, если есть что сказать — говори прямо. Не надо смотреть на меня так.

Когда Гун Юньшу вступила в армию, у неё не было никаких документов, и её не должны были принимать. Но генерал Ли, видя её сиротское одиночество, сделал исключение. Гун Юньшу знала, что он дал ей шанс отомстить, поэтому всегда называла его братом.

Генерал Ли снова растрогался, решив, что не ошибся в своем сокровище. Он похлопал Гун Юньшу по худощавому плечу и с широкой душой воскликнул:

— Не волнуйтесь, маршал Гун, я обязательно помогу вам вылечить этот недуг!

«С чего это я вдруг заболела?» — подумала Гун Юньшу, пребывая в полном недоумении. Но, не желая обижать брата Ли, поблагодарила его:

— Благодарю вас, брат Ли.

Заметив, что Хуа Жолян не вернулась, а тот миловидный юноша тоже исчез, Гун Юньшу почувствовала легкую грусть. Невозможно ведь, чтобы гость оставался так долго, наверное, ушел.

Гость...

Гун Юньшу сжала кулаки.

Подождите. Тао Яояо — женщина, Хуа Жолян — тоже женщина, ничего особенного ведь произойти не могло?

При мысли о том, что они еще встретятся в столице, глаза Гун Юньшу снова загорелись.

То, как Хуа Жолян одним своим видом заставила женщин отступить, было по-настоящему героически.

Если по возвращении доложить императору о своей истинной личности, возможно, он простит её преступление. Тогда она сможет снова надеть женское платье и вести с той принцессой задушевные беседы, не боясь предрассудков.

Если получится, она бы очень хотела подружиться с той принцессой.

Они уже собрались уходить, как их окружила толпа. Вышла хозяйка борделя и с натянутой улыбкой произнесла:

— Маршал Гун, вы знакомы с тем юношей, что выкупил нашу главную красавицу?

Гун Юньшу, увидев этот настрой и услышав тон, поняла — они пришли по душу Хуа Жолян, и явно не с добрыми намерениями. Взгляд её похолодел:

— Знакома. Зачем она вам?

Человек, прошедший через кровавые битвы, всегда излучает угрозу. Обычно Гун Юньшу сдерживала этот дух, но, поняв, что эти люди ищут неприятностей для Хуа Жолян, перестала скрывать свою натуру.

Хозяйка борделя, встретившись с взглядом Гун Юньшу, почувствовала, как по спине пробежал холодок. Её ноги подкосились, и только поддержка слуг помогла ей устоять. Она только сейчас осознала, что этот на вид утонченный молодой человек — легендарный бог войны, прославившийся в кровавых схватках.

«Как этот мошенник умудрился связаться с таким человеком?» — подумала она.

— Тот юноша выкупил девушку, но не заплатил, а просто увел её. Пришлось обратиться к маршалу за справедливостью.

— Послушайте, это ошибка того юноши, при чем тут наш маршал? — не выдержал генерал Ли.

Хозяйка, у которой от мысли о тысяче золотых едва не подкашивались ноги, не отступала:

— Я требую справедливости у маршала, а не у вас!

— Ты!

— Брат Ли, не злись, — Гун Юньшу перевела взгляд на хозяйку и холодно спросила: — И какой же справедливости вы хотите?

— Тысячу золотых...

— Что?! Ты посмела требовать тысячу золотых у маршала Гун? — генерал Ли ударил по столу.

— Н-нет... не смею, — хозяйка знала цену Тао Яояо, и хотя та была редкой жемчужиной, она понимала, что десять миллионов серебром — это предел пределов. Смирившись, она пробормотала: — Десяти миллионов серебром будет достаточно.

Гун Юньшу поджала губы. За годы службы у неё накопилось немало трофеев, и эта сумма была не такой уж большой. Если это поможет Хуа Жолян, она не против заплатить. Она уже потянулась за векселем, как вдруг...

— Дурочка, не давай ей ни гроша.

Они обернулись: это была Хуа Жолян. Почему она вернулась? Теперь, когда она здесь, эти алчные люди точно не отстанут. Гун Юньшу нахмурилась.

Хуа Жолян, помахивая веером, заметила её нахмуренные брови.

Она понимала, о чем та думает: сама в беде, а всё печется о других.

Женская мягкотелость.

Вздохнув, она и сама не хотела возвращаться. Но в карете подумала: Гун Юньшу осталась там, её наверняка будут донимать из-за денег. Хуа Жолян не любила оставаться в долгу, поэтому, спрятав «бедствие» по имени Тао Яояо, вернулась разбираться с последствиями.

После долгих препирательств хозяйка поняла, что Хуа Жолян остра на язык. Силой не возьмешь — есть Гун Юньшу, словами не переспоришь — Хуа Жолян не уступит. Что ж, придется договариваться.

Хуа Жолян увела девушку обманом, и даже если вернуть её, она уже не будет стоять прежних денег. От этой мысли у хозяйки чесались зубы.

— Ты, мошенница! Не боишься, что мы пойдем в суд?

Хуа Жолян, которую называли мошенницей, приподняла бровь:

— Отлично, завтра увидимся в суде.

Такое быстрое согласие смутило хозяйку. Она нахмурилась и поправила одежду. Уж с её-то связями с градоначальником она точно заставит эту аферистку горько пожалеть.

— Пропустить!

Охранники расступились. Выйдя из павильона, Гун Юньшу догнала её:

— Ваше... — она вспомнила, что вокруг люди, и поправилась: — Господин, вам небезопасно быть одному. Пойдемте со мной в резиденцию градоначальника.

После прибытия в Цинчэн градоначальник настоятельно пригласил Гун Юньшу остановиться в его резиденции, и она не смогла отказать.

— С тобой? — Хуа Жолян игриво улыбнулась. — Хорошо.

...

В резиденции градоначальника служанки с подносами метались по двору, нарушая все правила. Старшая служанка окликнула их, требуя объяснений.

— Маршал Гун вернулась! И привела с собой еще одного мужчину, невероятно... красивого мужчину! — служанка не была обучена грамоте и не нашла другого слова, кроме как

«красивый», чтобы описать Хуа Жолян.

— Что?! — старшая служанка ахнула, передала куриный суп младшей и распорядилась: — Я пойду взгляну, а ты отнеси это барышне. — И умчалась смотреть на красавца.

— Я... я тоже хочу посмотреть, — в слезах пробормотала младшая служанка.

В главном зале градоначальник, дрожа, стоял на коленях, не отрывая глаз от золотой таблички в руках Хуа Жолян.

Он протер глаза — это действительно была императорская табличка.

Внутри он кипел от ярости: в борделе сказали, что это какой-то избалованный сынок, который украл красавицу и не заплатил, да еще и прикрывается именем Гун Юньшу. Никто не говорил, что это член императорской семьи!

Его глаза забегали. Сменив высокомерие на подбострастие, он простерся ниц:

— Прошу прощения, что не оказал должного приема, Ваше Высочество, прошу, накажите меня!

Хуа Жолян была рада, что переделась в мужчину, но постоянно раскрывать свою личность — не лучший выход. Она прищурила персиковые глаза и пошутила:

— Раз уж вы так просите, было бы невежливо с моей стороны не наказать вас.

Градоначальник вытаращил глаза:

— В-ваше...

— Наглость! Зови меня господином.

— Г-господин, вы шутите...

— Довольно, я не люблю шутить с тобой. — Хуа Жолян сделала паузу, и её улыбка стала глубже: — У меня есть дело, в котором мне нужна твоя помощь. Ты ведь поможешь, правда?

— Д-да... конечно.

— Я присмотрел красавицу в павильоне Пьяного бессмертного, но, увы, кошелек мой пуст. Не могу заплатить ту тысячу золотых. Градоначальник, помоги мне, а?

— Господин! У меня дома 80-летняя мать и 3-летний ребенок. Я чиновник честный, взятки не беру, перед сильными не склоняюсь. Жалованье у меня крошечное, едва на еду хватает...

Градоначальник был готов разрыдаться:

— Господин, нельзя же так грабить... тьфу, то есть, я не это имел в виду, господин, выслушайте меня! — на самом деле он именно это и имел в виду, просто проговорился.

«Ты выглядишь как нищий, а сам отъел такой живот, не стыдно?» Хуа Жолян не хотелось больше смотреть на его лоснящееся лицо.

— Ладно, забудь об этом. Есть другое дело... — она протянула последнюю гласную, ожидая ответа.

— Господин, говорите! Если только не нужно платить тысячу золотых, я готов хоть в огонь, хоть в воду!

— Павильон Пьяного бессмертного грозитя устроить мне неприятности в суде. Цинчэн под твоим началом, ты...

Не дожидаясь конца фразы, градоначальник указал в сторону борделя:

— Господин, не беспокойтесь! Кто обидит вас — обидит меня, я никому не дам вас в обиду!

«Все это ради собственного шкуры», — подумала Хуа Жолянъ с насмешливой улыбкой. Что ж, каждый сам за себя.

Она перестала помахивать веером, и на её лице отразилось сомнение. Хуа Жолянъ подняла руку, приказывая Гун Юньшу, которая всё это время наблюдала за сценой, отдать ей бумаги со стола.

Хуа Жолянъ никогда не вступала в бой без подготовки. Еще когда она решила уладить дело, она приказала своим людям собрать доказательства темных делишек борделя.

— Разве ты не говорил, что честен в делах? — Хуа Жолянъ приподняла бровь и бросила бумаги градоначальнику. — На первой странице — твои грехи, связанные с покровительством борделю. А дальше — доказательства того, как они принуждают девушек к пороку, губят жизни и нарушают закон. Разберись с этим!

Градоначальник, который до этого стоял на коленях, от страха сел на пол. Он дрожащими руками поправил шапку чиновника:

— Господин, не волнуйтесь, я всё... всё сделаю по закону.

— Лучше бы так... иначе...

Градоначальник ударил лбом в пол:

— Не смею ослушаться!

Когда люди наконец ушли, Хуа Жолянъ смогла сделать глоток чая, чтобы смочить пересохшее горло.

Заметив, что Гун Юньшу, сидящая справа, пристально смотрит на неё, она взяла веер и с силой постучала им по её левому плечу:

— Маршал Гун, вы первая, кто осмелился витать в облаках в моем присутствии.

Из-за близости Хуа Жолянъ её теплое дыхание коснулось лица Гун Юньшу, отчего та почувствовала себя крайне неловко.

Она тут же отвела взгляд в сторону. Она лишь думала о том, как Хуа Жолян парой фраз загнала в угол хозяйку борделя.

<http://bllate.org/book/19781/1949175>